

Lukach I. B. The First Venezuela Crisis (1895) and Revision of the Monroe Doctrine in the U.S. Policy toward Latin America

The article deals with the researching of an outstanding episode in the history of the U.S. foreign policy, particularly in Latin America – the Venezuela crisis of 1895 – diplomatic boundary dispute between Venezuela and Great Britain. U.S. President Grover Cleveland adopted a broad interpretation of the Monroe Doctrine (the Olney Doctrine) that did not just forbid new European colonies but declared an American interest in any matter within the hemisphere.

Keywords: USA, Venezuela, the Monroe Doctrine, the Olney Doctrine, Grover Cleveland, William L. Scruggs, Schombergk Line, arbitration.

СДАЧА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ РУССКИМ ВОЙСКАМ ПОД ВИЛАГОШЕМ В АВГУСТА 1849 г. ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

(Вступительная статья, публикация и примечания А. Стыкалина и А. Колин)

Публикуемый ниже документ представляет собой мемуары русского офицера, участвовавшего в венгерской кампании 1849 г. и явившегося непосредственным свидетелем сдачи в плен русским войскам под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича венгерской революционной армии. Опубликованный в 1870 г. в санкт-петербургском «Военном сборнике», этот источник редко привлекал внимание историков, его обходили стороной даже многие авторы, обращавшиеся к истории венгерской революции 1848-1849 гг. и смежных с ней событий в Центральной Европе.

Между тем, он позволяет осмыслить под непривычным углом зрения одно из ключевых событий революции, ее печальный финал, в интерпретации которого специалистами (а в Венгрии и более широким общественным мнением) до сих пор бытует немало прочно устоявшихся стереотипов. Один из них – отношение к командующему венгерской армии генералу Артуру Гёргею, яркий образ которого предстает и со страниц нижеследующих мемуаров.

Миф о малодушном, изменническом поведении Гёргея, сдавшегося без сопротивления царскому войску, получил широкое распространение в венгерской исторической литературе второй половины XIX – первой половины XX в., был заимствован и отечественными историками¹. Живучести его в нашей литературе² способствовало и то обстоятельство, что с осуждением поступка венгерского генерала, своим якобы малодушным поведением поставившего крест на европейской «весне народов», выступало левое общественное мнение дореволюционной России³.

Однако в последние десятилетия в венгерской историографии (в работах крупнейшего специалиста по истории венгерской революции 1848–1849 гг. Р. Германна и др.) доминирует иной подход к Гёргею, яркому полководцу эпохи венгерской национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Талантливый военачальник, осуществивший ряд победоносных операций против австрийских императорских войск⁴, он незадолго до решающей схватки и поражения большого соединения венгерской армии 9 августа под Темешваром отказывался вести с командованием численно превосходящей русской армии какие-либо переговоры о сложении оружия, «ибо речь здесь идет о спасении моей бедной, притесненной отчизны, политическую жизнь которой австрийский император и

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-01-00202, тема «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848 – 1914 гг.» (руководитель проекта О.В. Хаванова).

¹ См.: Революции 1848 – 1849. Т. I – II. Под редакцией Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. М., 1952. Соответствующий раздел в этой книге так и называется: «Изменническое поведение Гёргея» (Т. II. С. 121–123).

² О предательстве Гёргея говорится и в 3-томном фундаментальном труде начала 1970-х годов по истории Венгрии. См.: История Венгрии. В 3-томах. Т. 2. М., 1972. С. 176. Однако в «Краткой истории Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991) автор соответствующего раздела выдающийся отечественный историк Т.М. Исламов дал более дифференциированную оценку роли Гёргея.

³ Из литературы см., в частности: Орлик И.И. Венгерская революция 1848-1849 годов и Россия // Новая и новейшая история, 2008. № 2.

⁴ Отзывы о незаурядных полководческих способностях Гёргея встречаются и в мемуарах русских офицеров: «нельзя не отдать Гёргею справедливости, что он показал себя весьма искусным начальником, который сумел отлично воспользоваться ошибками своего противника» (Дневник барона Л.П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская старина. Т. XX. Спб., 1877, сентябрь – декабрь. С. 242).

его ближайшее окружение хотят уничтожить»¹. Однако через считанные дни², осознав всю несопоставимость численности 200-тысячной российской и 30-тысячной венгерской армий, а значит бессмысленность сопротивления, Гёргей предпочел избежать ненужного кровопролития и сложить оружие, причем именно перед русским, а не австрийским императорским войском³. «Лучше допущу уничтожение всего корпуса в отчаянной битве против любых превосходных сил, чем безоговорочно капитулировать перед австрийскими войсками», – писал он Ридигеру (письмо было получено 12 августа)⁴. Почти все члены Военного совета (кроме двух, предлагавших сдаться непосредственно австрийцам) поддержали предложение своего командующего. Надо было торопиться, ведь австрийские войска под командованием фельдмаршала Гайнау приближались к Араду, к местам расположения основных формирований ослабленной венгерской армии. При этом у Гёргея в момент принятия решения сохранялась надежда на австрийское императорское великодушие к поверженному достойному противнику, готовность венского двора воздержаться от мести. Надежда, как известно, не оправдавшаяся. Не оправдались и надежды Гёргея на российское посредничество⁵.

В русской мемуаристике нашло отражение мнение об обоснованности поступка Гёргея, который, взвесив все обстоятельства, «признал бесполезным дальнейшее сопротивление Русским войскам, и чтобы не истощать в материальном отношении своей родины, решился покончить бесцельную войну. В том, что он положил оружие, нельзя видеть измену, а только относительную его предусмотрительность и желание сохранить Венгрию для будущей ее деятельности, за что венгерцы должны его благодарить, а не порицать»⁶. С еще большей определенностью и более эмоционально характеризует поступок Гёргея другой мемуарист, участник кампании 1849 г.: «Подвиг Гёргея был истинным самоотвержением, ибо он знал, что его оклеят позором [...], в письме к графу Ридигеру он первого себя отдавал в жертву, с условием спасения своих соратников». [...] Люди поверхностные, легкомысленные, судящие издалека о событиях, в которых не принимали участия, говорили и, быть может, скажут и впредь, что ему надлежало бороться до последней крайности; но если лично всякий должен быть готов умереть, то начальнику нельзя распоряжаться так легкомысленно жизнью других. Обдумывают ли эти строгие судьи, что ни один из людей Гёргея не согласился бы на такое продолжение войны, и что остатки его армии скорее бы все разбежались, ибо уныние и безнадежность были всеобщие⁷. В отличие от политического лидера венгерской революции Л. Кошута, своеокрыстного и тщеславного «политического мечтателя», готового все принести в жертву

¹ Письмо Гёргея генералу российской армии Ф.В. Ридигеру от 24 июля 1849 г. цитируется по: Германн Р. Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 15. Члены венгерского правительства адресовали после этого командованию российской армии послание, в котором содержалось предложение о создании венгеро-российских союзнических отношений и даже выражалась готовность принять для суверенной Венгрии короля «не-австрийской» династии с намеком на одного из российских цесаревичей. Однако Николай I, ставя превыше всего монархическую солидарность, не разрешил фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу вести с венгерской стороной переговоры политического, а не военного (т.е. об условиях полной капитуляции) характера. Гёргею через Ридигера в письме было сообщено: назначение русских войск – воевать, и если Гёргей «желает согласовывать о поклонении перед законным императором», пусть обращается к главнокомандующему австрийской армии барону Гайнау (См.: Там же. С. 16).

² К этому времени лишь на востоке Трансильвании, неся большие потери, продолжало оказывать сопротивление австрийским войскам соединение венгерской революционной армии под командованием талантливого польского военачальника Юзефа Бема.

³ Важно заметить, что в соответствии с изначальными планами австрийцев русской армии отводилась лишь вспомогательная роль: «австрийцы объявляют, что мы должны постоянно находиться в резерве как вспомогательное войско, а драться впереди должны они, мы только помогаем и потому в резерве» (Баумгартен А.К. Дневник 1849 г. // Журнал императорского Русского военно-исторического общества. Спб, 1910. Кн. 4. С. 27).

⁴ Цит. по: Германн Р. Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. С. 17.

⁵ В письме Гёргея Ридигеру содержалась просьба, «чтобы сдавшиеся не были переданы австрийцам как преступники, ибо те, которые первоначально состояли в австрийской службе, опасаются лишиться, в руках их, жизни и, быть может, даже чести». Далее он продолжал: «Как нам неизвестна будущность Венгрии и как если его императорское величество Император Всероссийский не оградит ее, с известным своим великодушием, могущественным своим посредничеством, всех нас может ожидать эшафот или изгнание, то мы все вместе осмеливаемся, не столько для нас самих, сколько для наших сограждан, просить о великодушном ходатайстве, дабы несчастный край, столько уже пострадавший, не был подвержен новым еще истязаниям» (Письмо Гёргея передано в изложении, приводимом в тексте: Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (адъютанта графа Ф.В. Ридигера) // Русская старина, 1998. № 6. С. 509).

⁶ Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. М., 1885. № 12. С. 537.

⁷ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 506.

«своему неограниченному самолюбию и властолюбию», Гергей, по мнению мемуариста Ф. Григорова, «пожертвовал своим самолюбием для счастья своего отечества»¹.

Среди венгерских историков до сих пор нет единого мнения, был ли поступок Гергея тактически правильным или нет². По мнению Р. Германна, Гергей избрал меньшее зло, ведь к тому времени, когда русские передали Гайну плененных венгров, кровожадный австрийский главнокомандующий получил от императора Франца Иосифа распоряжение не торопиться с расправами, провести более основательную процедуру расследования перед вынесением приговоров. Как бы то ни было, число расстрелянных австрийцами представителей генеральского и старшего офицерского корпуса превысило сотню. А потому заслуживает внимания и точка зрения других венгерских историков. Л. Контлер признает, что Гергей предпочел сдаться не Гайну, а русским, полагая, что это может облегчить участь побежденных. «Однако такая выходка, – продолжает он, – еще более разозлила австрийцев, и без того униженных прежними военными неудачами и необходимостью обращаться за внешней помощью»³. При венском дворе возобладало мнение о том, что мятежных венгров надо на ближайшие 100 лет отвратить от любой мысли бунтовать против законного императора.

Между тем, карательные акции, предпринятые Гайну с санкции своего императора (их жертвой стал и премьер-министр первого венгерского революционного правительства граф Л. Баттяни), потрясли всю образованную Европу. Когда палач Гайну (уже будучи в отставке) выезжал после 1849 г. за рубеж, возмущенная публика встречала его оглушительным свистом в Лондоне и Брюсселе, что не раз приводило к дипломатическим скандалам. Казнь 6 октября 1849 г. в Араде 12 видных военачальников сдавшейся венгерской армии (так называемых «арадских мучеников») была с немалым возмущением воспринята и в Петербурге в окружении Николая I как неблаговидный, вероломный поступок венского двора, бросающий тень и на российского союзника, передавшего плененных венгров австрийцам⁴. Как вспоминает свидетель эпохи, «пошли сетования на русских. Венгры рассчитывали на Россию и полагали, что Россия в видах своих на будущее при разрешении Восточного вопроса, заняв Венгрию, не выйдет из нее и назначит туда кого-либо из своих великих князей... [венгры мне] говорили, что Гергей не думал, что Россия предаст Венгрию на жертву и на месть Австрии»⁵. Российский император потом довольно долго отказывался принять австрийского посла.

Никакого политического выигрыша от участия в кампании по подавлению венгерской революции Российской империя не получила. Уже в 1849 г. и среди отечественных, и среди зарубежных наблюдателей бытовало мнение, что Россия в определенном смысле продешевила. «Отдав Венгрию Австрии (вместо того, чтобы посадить на венгерский престол одного из своих великих князей, как надеялись в окружении Гергея – А.С., А.К.), Россия закрыла себе ворота на Восток. Австрия будет мешать успешному разрешению этого вопроса. [В свою очередь и] Венгрия не позабудет 1849 года и постарается отомстить России за свое унижение»⁶. Действительно, граф Дюла Андраши, в 1849 г. заочно приговоренный юным Францем Иосифом к смертной казни за участие в революции, а в 1871 г., в условиях австро-венгерского компромисса, им же назначенный на пост министра иностранных дел двуединой Дунайской монархии, вошел в историю не только как один из выдающихся политиков и дипломатов своей эпохи, но и как человек, неизменно воспринимавший Россию как главного исторического врага Венгрии и как главное препятствие на пути осуществления не только венгерских, но также уже не противоречивших им в новых условиях австро-венгерских интересов, особенно на балканском направлении.

¹ Там же. С. 505.

² Разные мнения существовали и в XIX в. Так, согласно представлениям активного участника революции графа Пульски, сопротивление одновременно австрийскому и русскому войску было бы безумием. См. обзор изданных в Германии его мемуаров: *Вестник Европы*. Спб., 1883, апрель. С. 636.

³ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 336. Ср. со свидетельством русского мемуариста: «Австрийцы более строго относятся к тем из венгерцев, которые положили оружие перед русскими войсками, и ходатайство русских о смягчении их участия не принято во внимание» (Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 535).

⁴ Как уже отмечалось, А. Гергей в последнем письме Ридигеру настаивал на получении от Вены гарантii сохранения жизни своих офицеров, просил «не отдавать их в жертву слепой мстительности» австрийцев. См.: Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. Спб., 1880. С. 113. Его надежды не вступали в противоречие с ожиданиями венгерского общества. Русский офицер А. Верниковский, находившийся в части, дислоцированной в Кашиау (венг. Кашиша, ныне Кошице в Словакии), вспоминает, как убийственно подействовала на венгерское общество этого города весть о сдаче Гергея: «грусть и отчаяние выражались на лицах. Разно толковали о причинах». При этом «венгры на первых порах никак не полагали, что русские передадут участь Венгрии в руки Австрии» (Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 529).

⁵ Там же. С. 535.

⁶ Там же.

С особым волнением читается описание последнего перед сдачей знамен и сложением оружия обеда, в котором по приглашению венгерского командования участвовали и российские военнослужащие. Настроение было тягостным, причем с обеих сторон. Собравшиеся как бы на собственную тризну венгерские генералы и офицеры не теряли, однако, достоинства, зная о собственном пленении и неминуемом наказании. Многие русские офицеры, общавшиеся с венграми в период кампании 1849 г., сохранили уважение к достойному противнику. Об этом свидетельствуют не только публикуемые ниже, но и многие другие офицерские мемуары.

«Нельзя не признаться, что во время Венгерской кампании между нами и неприятелями нашими всегда проглядывали радушные отношения, чего нельзя было сказать по отношению к нашим союзникам – австрийцам, государство которых в 1848 г. было спасено Россиею», – заметил мемуарист Н. Богдановский, оставивший описание пирушки русских и венгерских офицеров после сдачи венграми крепости в Муникаче (Мукачево)¹.

Ему вторит М. Лихутин: «Мы пришли помочь австрийцам и помогли им – и вдруг наши симпатии оказались, по-видимому, на стороне тех, во вред которым мы действовали»². Венгерский поход ради спасения Габсбургов казался многим офицерам, в нем участвовавшим, бессмысленным, тем более, что сопровождался большими и бессмысленными жертвами вследствие эпидемии холеры³. Причем мемуаристы вспоминают не только о стихийно происходивших братаниях и пьянках с венграми, об уважении русских солдат и офицеров к тем, кто ведет открытую, честную борьбу, но и о частых сожалениях, что государь не решился дать корону святого Стефана (Иштвана) одному из своих сыновей, сделав тем самым не только венгров, но и многих славян подданными дома Романовых⁴.

Через несколько лет отношения двух монархий испортились. После начала в 1853 г. Крымской войны русские войска временно оккупируют Дунайские княжества Молдову и Валахию, что не отвечало интересам монархии Габсбургов. Сохранивший в 1849 г. свою власть только благодаря своевременному вмешательству русской армии Франц Иосиф «удивил весь мир неблагодарностью», заняв формально нейтральную, но на самом деле недружественную России позицию. После вынужденного вывода российских войск из Дунайских княжеств русскую оккупацию сменила австрийская.

Более того, после падения Севастополя Австрия выступила с ультимативным требованием к России о присоединении к пока еще контролируемому Веной Молдавскому княжеству Южной Бессарабии (с 1812 г. входившей, как и вся Бессарабия, в состав Российской империи) с выходом к Дунаю⁵. Николай I никак не мог простить молодому Францу Иосифу измены. Согласно одной красивой, но при этом вполне правдоподобной легенде, российский император, предчувствовавший резкое обострение отношений с монархией Габсбургов, при посещении Варшавы разглядывая памятник польскому королю Яну Собескому, снявшему осаду турками Вены в 1683 г., якобы изрек: Собеский и я были самыми большими ослами в истории, поспешив на спасение Австрии, так и не пожелавшей потом их отблагодарить.

* * *
*

¹ Богдановский Н. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях // Русская старина, 1893. № 1. С. 244. Мемуарист И. Павлов также вспоминает, что при встречах с венгерскими офицерами неизменно пили вместе с ними вино, чтобы «показать наши взаимные дружеские чувства»; «Сколько тостов! Какая дружба! Даже странно вспомнить» (Павлов И.В. Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. Спб., 1910. № 5. С. 9, 11).

² Лихутин М. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 247.
³ «Со вступлением в пределы Австрии начало выражаться и нерасположение наших войск к австрийцам. Между офицерами нередко можно было слышать вопросы, зачем мы идем спасать фальшивых австрийцев?» – вспоминает участник кампании А. Верниковский (Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 512). Далее он продолжает, «дружеского сближения между русскими и австрийскими офицерами я не замечал: обе стороны держали себя странно, с каким-то нерасположением и недоверием друг к другу» (Там же. С. 512). А другой участник венгерского похода, Н. Исаков, говорит с еще большей прямотой: «Цель войны была нам чужда. Союзники наши, австрийцы, были нам противны» (Исаков Н.В. Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. Спб., 1913. № 3. С. 838).

⁴ Алабин П. Русские в Венгрии в 1849 г. (из походных заметок) // Русская старина, 1882. № 7.
⁵ Проект, реализованный решением Парижского конгресса 1856 г. и находившийся в силе вплоть до Берлинского конгресса 1878 г.

Сдача венгерской армии русским войскам под Вилагошем 1-го августа 1849 г.¹

По разбитии венгерского корпуса под городом Дебречином², 21 июля, войска, направленные под предводительством генерал-адъютанта графа Ридигера³ для преследования отступившей к крепости Араду армии Гёргея⁴, прибыли 29-го того же месяца в деревню Артанд. Здесь встретили нас присланые от Гёргея парламентёры: генерал барон Пельтенберг, адъютант его, ротмистр Бетлен Габор и полковник Ваницкий, с письмом к главнокомандующему нашею армиею, в котором венгерцы пытались предложить некоторые условия при капитуляции. Граф Ридигер, приняв от них письмо, отправил его к генерал-фельдмаршалу⁵ в Дебречин, а парламентёры, в ожидании ответа, остались в нашем штабе, были обласканы графом и приглашены им к обеду⁶.

После обеда граф поручил генералу Фролову⁷ переговорить с ними частным образом и убедить их в совершенной невозможности, со стороны их, к дальнейшему сопротивлению; но они, считая тогда силы свои до 200 000 человек (?), говорили, что обязаны до конца исполнить долг свой и, в случае неблагоприятного ответа, должны еще попробовать счаствия в бою. С тем, действительно, парламентёры и отправились в свой стан, когда на письмо Гёргея приказано было ответить, что императорско-российская армия прибыла в Венгрию не для переговоров, а для военных действий, и что с переговорами они должны обращаться к австрийскому главнокомандующему, барону Гайнау⁸.

Продолжая грозное наступление к крепости Араду, центру революции в тогдашнее время, мы, по приходе в местечко Киш-Йено, снова были встречены там адъютантами Гёргея с письмом к графу Ридигеру. Гёргей писал, что армия его изъявила готовность безусловно покориться и сложить оружие перед воинством Его Величества Российского Императора, и просил графа прислать к нему доверенное лицо для того, чтобы условиться относительно церемониала сдачи войск и сложения оружия. Тотчас же, по приказанию графа Ридигера, генерал Фролов, инженер-поручик барон Оффенберг, саперный поручик Ахбауэр и я⁹, в сопровождении адъютантов Гёргея, на четырех телегах быстро помчались в стан неприятельской армии. Это

¹ Статья эта написана очевидцем, личным адъютантом начальника штаба 3-го корпуса, генерала Фролова (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.). 13 августа по новому стилю. Далее в тексте все даты также указаны по старому стилю.

² Ныне г. Дебрецен в Восточной Венгрии.

³ Ридигер Федор Васильевич, граф (1783 – 1856) – крупный российский военачальник, генерал от кавалерии. Член Государственного совета. Участник русско-шведской войны 1808-1809 гг., наполеоновских войн, русско-турецкой войны 1828-1829 гг., подавления польского восстания 1830-1831 гг. В период венгерской кампании 1849 г. командовал авангардом русских войск. Во время Крымской войны исполнял обязанности Наместника Царства Польского.

⁴ Гёргей Артур (1818 – 1916) – венгерский военачальник, генерал. Командовал главными силами венгерской революционной армии во время национально-освободительной войны венгерского народа против Габсбургов 1848-1849 гг. Понимая бесмысличество сопротивления, в августе 1849 г. сложил оружие перед численно превосходящим русским войском. Сохранение жизни Гёргею явилось предметом особой договоренности между российским и австрийским дворами, достигнутой наследником престола во время пребывания в Вене. Вплоть до установления в 1867 г. системы австро-венгерского дуализма находился под арестом в австрийском г. Клагенфурте. Любопытно, что существовала версия, согласно которой австрийцы держали Гёргея в Клагенфурте, дабы уберечь его от мести венгерских патриотов, не способных простить своему генералу «предательство»: «В Кашиау рассказывали, что Гёргея увезли австрийцы на жительство в крепость Клагенфурт, потому что опасались, чтобы венгерцы не убили его за измену и что ему определила Австрия пенсию бригадного генерала» (Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 530-531).

⁵ Речь идет о главнокомандующем русской армии генерал-фельдмаршале Иване Федоровиче Паскевиче (1782 – 1856).

⁶ Другой мемуарист, адъютант Ридигера, которому было поручено «находиться всегда при наших гостях и доставить им удобное помещение», вспоминает: «не забуду этого знакомства; мы перестали быть врагами; это была все молодежь самая блестательная, и я узнал потом, что граф Ридигер, ходатайствуя об адъютантах Гёргея, просил также и о них» (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 509).

⁷ Начальник штаба 3-го пехотного корпуса, генерал-майор, ныне генерал-адъютант (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

⁸ Гайнау (Хайнау), Юлиус фон (1786 – 1853) – австрийский фельдмаршал. Командовал в 1849 г. главными силами императорских войск при подавлении венгерской революции.

⁹ Личный адъютант начальника штаба (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

было в 10 часов утра, 31 июля. Главная квартира Гёргея находилась тогда в городе Вилагоше, куда мы и прибыли в час пополудни.

Вилагош, довольно красивый небольшой городок, живописно раскинут при подошве холмистых гор¹. Над самою срединою города, на скате одного из холмов, возвышался прекрасный каменный дом, с галерею в саду, который расстился по скату холма до самой улицы. По огромной около этого дома толпе народа и солдат, можно было догадываться, что здесь квартира главнокомандующего, а медвежьи шапки часовых гренадеров (при воротах) служили еще более несомненным признаком его тут пребывания. Едва подъехали мы к крыльцу дома, как Гёргей вышел навстречу нам. Сделав приветствие, он взял генерала под руку и повел его прямо в кабинет, где они тотчас же и занялись предстоявшим делом. В это время мы трое вошли в главную залу, наполненную множеством офицеров. Дежурный адъютант поочередно рекомендовал нам находившихся тут генералов, членов временного правления и офицеров, составлявших главный штаб Гёргея. Это собрание можно было назвать живою галерею красавцев-мужчин в роскошных венгерских мундирах; здесь собран был цвет венгерской молодежи самых знатных фамилий. Вскоре и нас пригласили в кабинет, где генерал Фролов отрекомендовал нас Гёргею.

Мы были восхищены увлекательною наружностию молодого генерала, который был пред тем грозою для союзников наших, австрийцев, а теперь облечен в сан диктатора² и главнокомандующего всех сил венгерской инсurreции.

Гёргею на вид казалось лет двадцать пять. Он тонок, строен, высок. На круглом миловидном лице его, покрытом небольшими редкими бакенбардами, усиками и бородкою, начертаны кротость и добродушие. Большие голубые глаза его блещут быстрым, неизмеримым взглядом, выражающим полное сознание силы и превосходства³. На голове Гёргея была повязка: пестрый, шелковый платок, охватывая одним концом верхнюю часть головы, другим ниспадал на плечи и закрывал на затылке рану⁴. При такой фантастической повязке кроткое, доброе лицо его еще более казалось нежным. Его костюм составляли: совершенно простое, темнокоричневое пальто, с красными шнурками на груди и с позументом на воротнике; через плечо неразлучная спутница его – дорожная сумка, огромные (далеко выше колен находящие) сапоги из самой грубой кожи. Речь его проста; гармонический голос звучит силою воли; в приемах виден врожденный дар повелевать...⁵

После краткого приветствия к нам Гёргея, мы вышли в залу; генерал наш оставался еще в кабинете. Выйдя оттуда, он тотчас же отправил барона Оффенберга с донесением к графу Ридигеру.

Вся Венгрия обедает в час пополудни, а потому в зале стол был уже давно накрыт. Вскоре явился Гёргей и просил нас к столу. Обед, состоявший, по венгерскому обычаю, из пятнадцати, продолжался часа три. За столом сидело до пятидесяти особ – генералов, старших из чинов гражданских и офицеров, и сверх того хозяина дома, г-жа Дитрих, и жена главного доктора армии, г-жа Мигалик. Каждый из собеседников старался придать разговору веселый тон, какого и можно было бы, казалось, надеяться, в особенности при превосходных, подававшихся тут, винах; но речь не оживлялась; напротив, на лицах наших собеседников видны были явные следы глубокой думы. Все были в каком-то тревожном состоянии духа. Даже мы сами находились в странном, никогда не испытанном положении. Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному определению судьбы, они собраны здесь для рокового празднования своей собственной тризны?... Несчастные! многие из них не ошибались в предчувствии своей погибели...⁶

По выходе из-за стола, простившись с новыми нашими знакомцами, мы, сопровождаемые теми же адъютантами до деревни Заанд, отправились в корпусную нашу квартиру, куда и прибыли к шести часам вечера.

¹ Ныне населенный пункт Ширия, Румыния.

² 10-11 августа, после поражения значительного соединения венгерской революционной армии под командованием польского генерала Дембинского под Темешваром (ныне Тимишоара, Румыния) Л. Кошут и большая часть венгерского революционного правительства подали в отставку. С этих пор вся полнота власти была сосредоточена в руках генерала А. Гёргея.

³ У участника венгерской кампании полковника царской армии А. Баумгартина сложилось мнение, зафиксированное им в дневнике от 21 мая 1849 г.: венгерские военачальники «употребят все возможные средства, чтобы сделать самое восстание сколь возможно более упорным и отчаянным и только при последней крайности положить оружие» (Баумгартен. С. 18).

⁴ От сабельного удара под крепостью Комаром (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

⁵ По свидетельству другого мемуариста, общаясь с русскими офицерами, Гёргей неизменно «был очень вежлив, давая чувствовать в разговоре, что венгры весьма дружелюбно расположены в пользу русских, не желают войны с ними, а враждуют лишь с австрийцами» (Дневник барона Л.П. Николаи. С. 239).

⁶ Многие из них повешены или расстреляны, по приговору австрийского правительства, в крепости Арад! (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

II.

В самую полночь на 1-е августа, войска наши бодро снялись со своих позиций и стройно двинулись вперед; 2-я и 3-я легкие кавалерийские дивизии составляли передовую колонну; за нею следовали 7-я и 8-я пехотные дивизии. Около пяти часов утра, прибыли мы к деревне Заанд, где перестроились в боевой порядок, в котором продолжали наше наступление, и наконец остановились на равнине, при деревне Шеллош¹. Ни солдаты, ни частные командиры войск наших не знали о предстоявшем событии. Все готовились к бою...

Равнина Шеллош с юго-запада окаймлена цепью красивейших холмов, покрытых возделанными виноградниками и зеленеющими рощами; при подошве холмов извивается дорога от крепости Арада в местечко Борош-Йено. Около десяти часов утра, по этой дороге поднялись густые облаки пыли, которые были для нас вестниками приближения к нам венгерских войск. Мало по малу головы колонн пехоты их стали показываться на равнине и выстраиваться в одну линию, параллельно к нашей; за нею артиллерия строилась во вторую линию, а кавалерия стала на флангах пехоты. Таким образом, среди самого полудня, под раскаленными лучами солнца, в стройном безмолвии сошлись две враждовавшие армии...²

Ровно в час, Гёргей, сопровождаемый своим блистательным штабом, быстро мчался к нам на прекрасном золотисто-гнедом коне, в своем скромном пальто, с сумкой через плечо и в белой круглой пуховой шляпе с пером. Остановив штаб свой в почтительном от нас расстоянии, он, с поникнутой головой, приблизился к графу Ридигеру и открыл торжественный акт сложения оружия продолжительным объяснением; в заключение, подал графу рапорт о числе сдаваемых войск и оружия. Возвратясь к своему штабу, Гёргей передал ему приветствие графа, на которое венгерцы, потрясая в воздухе своими киверами и шляпами, отвечали громким возгласом: «Да здравствуют русские!» Затем Гёргей приказал, чтобы войска складывали оружие, и в ту же минуту весь штаб его – с места в карьер... каждый понесся к своей части, для исполнения приказа своего вождя.

Войска Гёргея состояли из 1-го, 3-го и 7-го пехотных корпусов и простирались до 30 000 человек низших чинов. Они имели 11 генералов, до 2000 офицеров, 5000 строевых и 3000 упряженных лошадей и 144 орудия, один понтонный и два артиллерийских парка, с огромным количеством артиллерийских снарядов, ружейных и амуниченых вещей.

Около пяти часов вечера, когда 3-й и 7-й корпуса были уже на местах, а 1-й корпус все еще продолжал выстраиваться, началась «церемония сдачи». По отдаании чести, пехота с грустью снимала с себя боевую амуницию и ставила ружья в козлы. Солдаты, прощаясь, плакали и целовали знамена своих полков³. Гусары, оставляя своих коней, обнимали их и, рыдая, прощались с ними; столь же горько прощались они и со своим ружьем⁴.

Затем граф Ридигер, сопровождаемый своим штабом, приблизился к войскам Гёргея и, приветствуя их, начал осмотр. Невыразимо трогательен был вид этого войска, стройного⁵, сильного и бодрого, которое, за несколько месяцев, было так страшно для Австрии, а в эту минуту стояло обезоруженное, покорное и, как бы обреченное на казнь, ожидало исполнения своего приговора!... Грустным взглядом провожали нас солдаты; офицеры, поникнув головами, плакали.

¹ венг.: Сёллёш.

² Венгерское «войско было расположено вокруг горы, с расставленными орудиями и часовыми на всех пунктах – знак, что гарнизонная служба и в умиравшей в военном своем составе армии была в исправности», – вспоминает другой мемуарист (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 510).

³ Знамена венгерской революционной армии были возвращены советским правительством венгерскому правительству в марте 1941 г. При освобождении Будапешта зимой 1945 г. были снова отправлены в СССР, окончательно возвращены в 1948 г. Материалы выступлений на эту тему историков А.И. Пушкина и Е. Дёркеи на конференции, состоявшейся в Москве в марте 2000 г., см.: Научные издания московского Венгерского Колледжа. Вып. I. Отв. ред-р Й. Горетити. М., 2001.

⁴ Свидетельство И. Дроздова подтверждается воспоминаниями Ф. Григорова: «Нельзя было равнодушно смотреть на этих воинов, которые, с мертвым отчаянием на лицах, слагали свое, не раз победоносное оружие и лобызали свои знамена, навсегда с ними расставаясь. Гусары, спешившись, привешивали сабли и пистолеты на седла, затем обнимали своих лошадей, как верных собратьев, рыдали, прощаясь с ними, и передавали нашим солдатам». Один солдат, не захотевший отдать оружие, выстрелил себе в грудь и свалился замертью (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 512).

⁵ Замечательно, что в войсках Гёргея до последней минуты существовали в высшей степени порядок и дисциплина; доказательством тому служит бывший в глазах наших случай: во время следования войск к месту сложения оружия, Гёргею доложили, что один из офицеров оказал неповиновение старшему; офицер, перед целой армией, был тотчас же разжалован в солдаты! (Из «Описания венгерской войны» П.М.) (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г. Имеется в виду «Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году», Спб., 1851; составлено П.К. Меньковым).

По удалении графа, Гёргей подъехал к рядам своих войск и тотчас же был окружен офицерами и солдатами. Он начал было говорить им последнее приветствие, но не мог произнести ни одного слова: глухое рыдание вырвалось из груди его, и вся армия, огласив воздух криком «Да здравствует Гёргей!», отвечала слезами искренней преданности своему вождю. Один из офицеров вышел вперед, чтобы от лица всех сказать несколько слов бывшему своему генералу; но, не в силах будучи удержаться от рыданий, он мог только произнести: «прощай, Гёргей!». «Прощай, Гёргей!» повторилось в рядах всей армии¹.

Между тем, наша 2-я легкая кавалерийская дивизия стройно подошла к фронту венгерской армии и приступила к принятию военно-пленных. Это окончилось около восьми часов вечера. Потом, перед самыми уже сумерками, обезоруженные колонны потянулись безмолвно в плен за любимым своим вождем, под конвоем нашей кавалерии, по направлению к Гросс-Вардейну². Вскоре мрак ночи покрыл эту печальную для венгерцев картину непроницаемою завесою³.

III.

Начальник штаба, еще днем приняв Гёргея, не оставлял его и, вместе с ним предшествуя пленной армии, следовал всю ночь в корпусную нашу квартиру Киш-Йено, куда мы прибыли к четырем часам утра, 2-го августа.

В этот день, все военно-пленные нижние чины расположены были бивуаком около Киш-Йено, а генералам и офицерам отведены в местечке квартиры; им дозволен было оставить при себе сабли и предоставлена свобода личности в такой мере, что они могли почти не замечать своего плена⁴.

К удовлетворению главных потребностей жизни пленных принятые были самые деятельные меры: тотчас же начали выдавать офицерам на содержание деньги, обер-офицерам по одному, а штаб-офицерам по два гульдена на серебро в день, а для нижних чинов отпускать печенный хлеб и мясо. Граф Ридигер пригласил Гёргея, с его генералами и некоторыми из старших офицеров, к обеду. Такое великолдушное, снисходительное обхождение главных и частных наших начальников с военно-пленными внушило им полное к нам доверие и вообще расположило их к русским⁵.

VI.

Того же числа прибыли в корпусную нашу квартиру от коменданта крепости Арада, Дамианича, парламентёры, с письмом к Гёргею, в котором также предлагались условия при сдаче крепости. В ответ на это письмо Гёргей, между прочим, писал Дамианичу⁶: «С нами так обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся; ибо если бы мы были в обратном положении, то я не мог бы, кажется, ручаться за такое же милое,

¹ «Вся вообще сцена имела вид не радости и веселия, а какого-то грустного величия, понятого и оцененного, можно сказать, каждым солдатом. Легко и без моего слабого пера представить себе, что происходило в сердцах. В особенности не мог я налюбоваться выражением лица моего почтенного начальника (графа Ридигера – А.С., А.К.). Он не принял вид грозного победителя, но, постигая значение момента, был спокоен, величав, весь казалось проникнут мыслью, что небесный Промысел избрал его орудием для нового возвеличения России», – так описывает и комментирует ту же сцену другой ее свидетель, адъютант генерала Ридигера Ф. Григоров (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 512).

² Ныне Орадя, Румыния (венг.: Надьварад).

³ Как комментировал впоследствии, в мемуарах, адъютант Ридигера Григоров, капитуляция венгерской армии явилась «новою славою доблестного старца (графа Ридигера), как бы в венец пятидесятилетней, богатой воинскими подвигами, службы его» (Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 508).

⁴ «Зная близкое будущее, нельзя было смотреть на бивуак венгерцев без особенного стеснения сердца» (Там же. С. 510).

⁵ Гёргей писал генералу Д. Клапке о том, что с венгерскими военными «обходятся так, как храбрый солдат мог ожидать от храброго солдата» (Цит. по: Там же. С. 508). «Грустно было смотреть на этих пленных в неизвестности будущей их участии; много надежды питали мы и они на милость царскую и, действительно, много и было оказано милости, но нельзя ей было распространяться на всех», рассуждал адъютант Ридигера в своих воспоминаниях (Там же. С. 513). По его мнению, «Австрия не могла совсем простить венгерцам, и это понятно, но не должна ли она была вести себя как держава могущественная, не позволяя в таком деле, где надлежало руководиться одними государственными и политическими соображениями, действовать личностям и мелким страстиам» (Там же). Как яствует из мемуаров разных участников событий, мысль о том, что австрийцам следовало бы предоставить венграм амнистию, получила довольно широкое распространение среди российских офицеров.

⁶ Дамьянич Янош (1804 – 1849) – генерал венгерской революционной армии. Казнен по приговору австрийского трибунала в г. Арад 6 октября 1849 г. вместе с рядом других военачальников.

великодушное обхождение со стороны наших офицеров, в отношении к неприятельским военно-пленным¹. Я сообщаю тебе об этом потому, что, в настоящее время, это должно быть для тебя самым интересным предметом. Решение его светлости генерал-фельдмаршала заключается в том, что он не может принять никакого предварительного условия; но он полагает, что, обхождением своим с нами, приобрел доверие гарнизона». Вследствие этого убедительного ответа, крепость Арад 5-го августа сдана безусловно нашим войскам.

С этого времени венгерская война полагается оконченою. Дальнейшим делом нашим было принимать и обезоруживать добровольно приходившие к нам из Трансильвании и из других мест отряды венгерских войск. Обезоружив, мы отправляли их в учрежденный общий бивуак, при местечке Саркад², где наконец и передали их австрийским войскам³.

И. Дроздов

Опубликовано: Военный сборник. – 1870. – № 9. – С. 133-138.

Рита Кишине Будай

«ХУДОЖНИК ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». МИХАЙ (МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ) ЗИЧИ (1827 – 1906). СУДЬБА ВЕНГЕРСКОГО ХУДОЖНИКА В РОССИИ

Венгерский художник Михай Зичи (1827 – 1906) попал в Россию по прихоти судьбы 20-летним юношей, но из 60 лет своей последующей жизни (весьма плодотворной в творческом отношении) провел здесь более пятидесяти. Эти полвека не были для него безоблачными, но после неоднократных попыток поискать удачи в другом месте и даже обосноваться на родине, он все равно возвращался в Россию. Скончался Зичи в Петербурге, однако похоронен был в Будапеште. Что привело молодого художника в Россию, каким уровнем профессионального мастерства обладал он к моменту приезда и как складывалась его творческая судьба вдали от родины, каковы были его позиции при царском дворе и какие творческие задачи ставили перед ним 4 российских монарха, которым он верно служил в качестве придворного художника, каковы были связи Зичи с современной ему русской (а также, в силу стечения жизненных обстоятельств, и грузинской) культурой? Ответы на все эти вопросы мы пытаемся найти в своем исследовании.

Начало пути

Михай Зичи родился в 1827 г. в среднепоместной дворянской семье. Род его был знатным, восходил своими историческими корнями к XIII в., одна из ветвей этого рода (впрочем, не та, к которой принадлежал художник) за верную службу Габсбургам получила в XVIII в. графский титул. Как бы то ни было, семейство Зичи относилось к середине XIX в. к числу обедневших дворянских семейств. Родовое имение Зичи находилось к югу от Балатона, в комитате Шомодь. В сохранившемся по сегодняшний день родительском доме, где одно время располагалась и мастерская художника, сегодня находится его музей⁴.

Зичи рано потерял отца. Вдова-мать (как это было принято в среде венгерского среднепоместного дворянства) заботилась о том, чтобы оба сына получили в первую очередь юридическое образование – это дало бы им возможность сделать карьеру на административной службе. Брат Михая Антал не только стал видным политиком, но даже был избран в Академию наук. Михай тоже учился на юриста, но его с юных лет куда сильнее тянуло к искусству, нежели к юриспруденции. В 15 лет вопреки возражениям матери он записывается в Пеште⁵ в частную художественную школу довольно видного в то время в Венгрии художника итальянского происхождения Якоба Маастони. В 1844 г. по настоянию матери М. Зичи все же поступил на юридический факультет Венского университета, но увлечение искусством снова перевесило. Молодой венгр берет уроки у академика живописи Фердинанда Георга Вальдмюллера (1793 – 1865),

¹ «Об овациях, оказанных нашими офицерами Гёргею, по окончании кампании [...] было заявлено в Варшаве фельдмаршалу [Паскевичу], и нашим офицерам за бесстыдный энтузиазм в отношении Гёргея, по этому заявлению, объявлена была, как говорили, неприятная благодарность от начальства» (Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 530).

² венг. Шаркад.

³ 23 августа по новому стилю.

⁴ Музей Зичи в селе Зала был открыт в 1979 г. В 1992 г. экспозиция была реорганизована и обновлена. Большую роль в создании музея сыграл правнук художника видный общественный деятель Иштван Чичери-Ронаи. Точный адрес музея: Zichy Múzeum, 8660 Zala, Zichy M. utcá 20.

⁵ Буда, Пешт и Обуда слились в единый город Будапешт в 1873 г. (Прим. переводчика).